

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

И́дите научи́те всѣ ѡзы́ки, крѣща́ще
и́хъ во имя О́ца и Сы́на и Свѣта́го Дѣ́ла.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

состоящаго подѣ августѣйшимъ покровительствомъ ея императорскаго
величества государыни императрицы православнаго миссіонерскаго
общества,

1893.

Годъ первый.

№ 21

Н О Я Б Р Ъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФИИ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.
1893.

изъ нея не мало также вышло инородцевъ, занявшихъ впослѣдствіи священнослужительскія мѣста въ инородческихъ приходахъ. Школы братскія также продолжали существовать и развиваться, какъ школы по преимуществу миссіонерскія, въ которыхъ поэтому надо было дать особенное значеніе и преобладаніе элементу религіозному, — и которыя устраивались по преимуществу тамъ, гдѣ требовалось, по особымъ мѣстнымъ условіямъ, оказать болѣе живое и энергическое религіозно-нравственное воздѣйствіе на инородческое населеніе.

Съ открытіемъ учительской Семинаріи, занявши мѣсто ея директора, Н. И. Ильминскій оставилъ всѣ другія занятія и всецѣло отдался этому заведенію и вообще практической дѣятельности просвѣщенія инородцевъ, которая достигла громаднхъ размѣровъ и распространилась не только на ближайшія волжскій и камскій районы, но и на Оренбургскія степи и даже на отдаленную Сибирь. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ инородцы, до сихъ поръ чувствуется его вліяніе, — живутъ и съ честію дѣйствуютъ на разныхъ поприщахъ — и священниками, и миссіонерами, и учителями школъ — его воспитанники, руководясь его идеями и завѣтами... Дай Богъ, чтобы эти завѣты сохранялись, жили и дѣйствовали и на будущее время...

Н. Комаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мои первые шаги на миссіонерскомъ поприщѣ среди Киргизовъ.

Я много читалъ о Киргизахъ, но до пріѣзда въ Сибирь не видалъ ни одного Киргиза. Мое знакомство съ ними началось довольно оригинально, въ селѣ Екатерининскомъ, верстѣ сто не доѣзжая до Киргизскихъ степей. Дѣло было на постояломъ дворѣ, гдѣ я остановился почевать. Я вошелъ въ избу къ хозяевамъ, они сидѣли за ужиномъ, а не подалеку на скамейкѣ, особо отъ хозяевъ, ужиналъ работникъ. „Ванька, обратилась къ нему хозяйка, давай чашку, еще подолью щей“. Я спросилъ, почему они вмѣстѣ

не ужинають. — „Да онъ некрещеный“. — „Кто же онъ такой? и почему вы зовете его „Ванькой“, спросилъ я. Мнѣ отвѣтили, что онъ киргизъ, что носить мудреное имя, которое трудно выговорить хозяевамъ, по этому они и зовутъ его „Ванькой“.

Я съ живымъ любопытствомъ началъ разсматривать перваго киргиза, котораго мнѣ пришлось увидѣть. Это былъ парень лѣтъ двадцати, черный, рослый, съ сильно загорѣлымъ цвѣтомъ лица. Меня сильно удивило, что онъ не бритый, не въ тюбетейкѣ; на первый взглядъ я принялъ его за русскаго. „Отчего вы не крестите его“, спрашивалъ я хозяевъ. „Постоянно говоримъ ему, родимый: крестись, Ванька, за однимъ столомъ съ нами обѣдать будешь. Такъ не хочетъ, я, говорить, и здѣсь наѣмся“. Я разъяснилъ хозяевамъ, чтобы они убѣждали его креститься ради Христа, ради спасенія души и т. д. Самъ Ванька называлъ себя мусульманиномъ, но молитвы ни одной не знаетъ, Богу не молится, постовъ не соблюдаетъ, „живетъ, какъ пестъ“, пояснили хозяева.

Я узналъ что въ селѣ Екатерининскомъ и вообще въ Западной части Бійскаго округа живетъ очень много киргизовъ, въ качествѣ работниковъ у русскихъ. Изъ Екатерининскаго насъ повезъ русскій ямщикъ, а дальше, до самой Букони, ямщиками были киргизы. Насколько невнимательно слушалъ насъ Сарджимбай (Ванька) Даиришь, на столько вознаградилъ насъ другой киргизъ, по имени Рақышъ Майлювай, который везъ насъ изъ Лосихи въ Секисовку. Разстояніе между этими станціями, всего 22 версты, мы ѣхали пять часовъ, такъ какъ снѣгъ былъ чрезвычайно глубокий, лошадей запрягли „гусемъ“ и впередъ можно было подвигаться только шагомъ, и то медленнымъ. И эти пять часовъ мы почти безъ умолку проговорили съ Рақышемъ, при чемъ все это время онъ долженъ былъ, сидя на козлахъ, принимать самую неудобную позу, обернувшись назадъ, чтобы слушать насъ. Рақышъ, очень симпатичный молодой человѣкъ, тоже считалъ себя мусульманиномъ, но откровенно признался: „мы своей вѣры не знаемъ, ничего не знаемъ, знаемъ одно только: *бисмилля и Аллаекбергъ*, а что оно значить, къ чему оно,—тоже не знаемъ. Вотъ въ степи, тамъ хорошо, тамъ насъ татары учать, мы смотримъ на нихъ: какъ они дѣлають, такъ и мы“.

Чрезвычайно любознательный, какъ и всѣ киргизы, онъ самъ спрашивалъ о нашей вѣрѣ, прочиталъ между прочимъ совершенно правильно молитву Господню, закончилъ ее словомъ „аминь“ и спрашивалъ: что значить „аминь“? — „А тебѣ русскіе не сказывали“? спросилъ я. — „Нѣтъ, они сами не знаютъ“. Мы объяснили ему. Спрашивалъ также у насъ, что это за праздникъ „Красное яйцо“ (т.-е. Пасха)? Когда я уставалъ говорить, меня замѣнялъ толмачъ и говорилъ ему по-киргизски, причемъ Рақышъ все поддакивалъ по своему: *аа, аа*. Приѣхавши на станцію, мы напоили его чаемъ, услышали отъ него признаніе, что русскіе лучше киргизовъ и что вѣра у насъ (русскихъ) хорошая, хотя татары, и съ ихъ голоса, киргизы называютъ русскихъ *Капыръ*-ами. — „А что значить это *капыръ*?“ — Не знаю, *капыръ* и *капыръ* говоримъ про русскихъ, а что значить,—не знаемъ. Мы предложили ему креститься, если нравится русская вѣра. Рақышъ не отказывался, но просилъ, чтобы, покрещеніи, дали ему возможность учиться. И это замѣчательная черта, что всѣ киргизы, какихъ мнѣ приводилось встрѣчать и которые не прочь креститься, просили о наученіи себя, желали и сначала, до крещенія, и послѣ—учиться. Желая еще разъ, на обратномъ пути, повидаться съ Рақышемъ, я спросилъ у него, гдѣ живетъ. — „У Ларьки Бѣлькова“, отвѣтилъ онъ, Но, къ сожалѣнію, когда я проѣзжалъ обратно, то не засталъ уже его у „Ларьки Бѣлькова“, такъ что больше съ нимъ не видался. Нужно замѣтить, что киргизы называютъ русскихъ такъ, какъ они сами себя называютъ,—уменьшительными именами, и только людей вліятельныхъ и зажиточныхъ,—полными, но безъ отчества.

Въ концѣ декабря (1891 г.) мнѣ пришлось съѣздить въ Устькаменогорскъ. Наканунѣ праздника Рождества Христова я подѣзжалъ къ городу; мою повозку часто останавливали киргизы, живущіе возлѣ дороги, при этомъ что-то передавали ямщику, Я поинтересовался узнать о причинѣ этихъ остановокъ—и что же оказалось! Это киргизы давали ямщику деньги, чтобы поставить свѣчи св. Николаю! Мусульмане, бритые, въ тюбетейкахъ—и деньги на свѣчи даютъ въ церковь. Приѣзжаю въ Устькаменогорскъ, рассказываю объ этомъ своимъ знакомымъ и узнаю, что эта подача свѣчъ въ

церковь св. Николаю киргизами—очень распространенное явленіе на Иртышѣ. Уѣздный начальникъ М. А. Оедоровъ разсказалъ мнѣ слѣдующій замѣчательный случай по этому поводу. Въ г. Акмолинскѣ жилъ одинъ старый киргизъ, который торговалъ нюхательнымъ табакомъ. Этотъ киргизъ былъ извѣстенъ всему городу. Онъ обращалъ на себя вниманіе еще тѣмъ, что въ праздникъ св. Николая, два раза въ году, онъ обязательно являлся въ церковь, покупалъ свѣчу Святителю, потомъ, разостлавъ въ церковной оградѣ свой халатъ, садился на немъ, поджавъ ноги, и все время, пока шла Божественная литургія, читалъ *намазъ*, (т. е. молился Богу). Когда у него спрашивали: почему это онъ, будучи мусульманиномъ, ходитъ въ церковную ограду молиться Богу и свѣчи ставить, онъ разсказалъ вотъ что. — Однажды, когда онъ жилъ въ аулѣ, ему пришлось весною везти свой товаръ въ Акмолы. Нужно было переѣзжать рѣку, а вода—вешняя, теченіе быстрое. На срединѣ рѣчки лошадь изъ подъ него выбило теченіемъ, самъ онъ сталъ тонуть, такъ какъ не умѣлъ плавать, и горячо возмолвился Магомету о спасеніи. Но его несло теченіемъ дальше, сталъ онъ захлебываться и тутъ, вспомнивъ слышанные отъ русскихъ разговоры о чудесной помощи отъ св. Николая утопающимъ, закричалъ: „Русскій Богъ Микола, спаси меня“. Въ то же мгновеніе волна прибила его къ берегу, онъ ощутилъ подъ собою почву и благополучно выбрался на берегъ. Въ благодарность за чудесное спасеніе, онъ далъ обѣщаніе—до конца жизни чтить праздникъ св. Николая.

Киргизы, имѣющіе близкія сношенія съ русскими, чтутъ св. Николая, молятся ему, считаютъ его какъ-бы общимъ святымъ, выражаясь по своему, что это „и киргизскій, и русскій святой“. Напротивъ, въ Зайсанскомъ уѣздѣ не почитаютъ его, и, когда я говорилъ тамошнимъ киргизамъ о почитаніи ихъ западными единоплеменниками св. Угодника, то они рѣзко возражали мнѣ, что такихъ и мусульманами считать нельзя. „Это все равно что *катыры*, если почитаютъ русскаго святаго“. Нѣкоторые, въ томъ же Зайсанскомъ уѣздѣ, отождествляютъ св. Николая съ мусульманскимъ святымъ, называемымъ Кыдыръ.

Вышеприведенный разсказъ я перевелъ на киргизскій языкъ,

напечаталъ его арабскимъ шрифтомъ и по поводу его часто начиналъ свои миссіонерскія бесѣды съ киргизами, а грамотнымъ изъ нихъ давалъ читать этотъ разсказъ. Забавная исторія вышла у меня, благодаря вышеупомянутому разсказу, съ однимъ Тарбогатайскимъ киргизомъ. Однажды я сидѣлъ и обѣдалъ у себя въ квартирѣ, въ Букони. Въ комнату входитъ киргизъ, спрашиваетъ хозяйку; хозяйки дома не было, я пригласилъ гостя присѣсть, подождать, угостивъ его мясомъ, подавая ему прямо въ ротъ—по киргизскому обычаю. Это угощеніе понравилось киргизу, онъ разговорился. Я спросилъ, почитаютъ ли св. Николая на Тарбогатаѣ. — *Жокъ* (нѣтъ). — Сказавъ, что здѣшніе киргизы почитаютъ Святителя, я предложилъ ему прочитать мой разсказъ. Онъ согласился и сталъ читать очень осмысленно и выразительно. Но какъ только дошелъ до слова: „почему ты, будучи мусульманиномъ, ходишь въ церковь“...,— вдругъ листъ выпалъ у него изъ рукъ, онъ какъ бы застылъ на мгновенье въ той позѣ, въ которой читалъ, глаза остались устремленными въ пустое пространство между руками, изъ которыхъ выпалъ листокъ! „Вотъ, думалъ онъ вѣроятно, это тотъ самый Сыйкырчы (волшебникъ), о которомъ слышно въ Тарбогатаѣ, которому стоитъ посмотреть въ глаза, чтобы сбиться съ пути истины и перейти въ вѣру *капыр’овъ*“!.. — Вдругъ онъ завертѣлся на стулѣ со словами: „*кайда байбиче, кайда бурюкз* (гдѣ хозяйка, гдѣ шапка)“, сталъ искать шапку подъ столомъ, на окнѣ, подъ стуломъ, сзади себя. Нашелъ шапку и, не простившись, торопливо ушелъ, не повидавшись съ хозяйкой. Потомъ я не видалъ этого киргиза.

Въ концѣ февраля (1892 г.) я поселился въ Букони и прожилъ здѣсь до 1-го августа; квартира, выбранная мною, очень благопріятствовала знакомству моему съ киргизами, потому что хозяйинъ квартиры, человѣкъ очень гостепріимный и добродушный, не отказывалъ въ приѣмѣ ни одному киргизу, по этому у него никогда не воровали лошадей. Разъ украли, и то возвратили, узнавъ, что это лошади *бая* (хозяина) Василия. Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы ихъ не побывало по нѣскольку человѣкъ. Меня очень интересовало, какъ киргизы здороваются между собою (гости съ работниками хозяина). Извѣстно, что татары — мусульмане не

здороваются на своемъ родномъ языкѣ, а говорятъ другъ другу по—арабски: *салам алейкум* (миръ вамъ), *ва алейкум саламъ* (и вамъ миръ!); киргизы также, подражая и здѣсь, какъ во всемъ, татарамъ, здороваются по—арабски, только привѣтствіе, такъ мягко звучащее въ устахъ татарина, чрезвычайно грубо выходитъ у киргизовъ. Бывало, пока я еще не привыкъ, точно морозъ по кожѣ рѣжетъ въ ушахъ: *асалау магалайкымъ!*—и слышишь отвѣтъ: *валлака саламъ!*—Если бы наши крестьяне вздумали здороваться другъ съ другомъ на французскомъ или англійскомъ языкѣ, то такое привѣтствіе въ ихъ устахъ звучало бы едвали грубѣе чѣмъ: *асалау магалайкымъ!* Вообще грубый киргизскій языкъ не годится для выговора арабскихъ словъ. Самое употребительнѣйшее слово *бисмилля* рѣдкіе киргизы произносятъ правильно, а большею частью—*бысмылда*; полный текстъ читается такъ: *бисмилля—ир-рахман-иррахим*, т. е. во имя Бога милостиваго, милосердаго, или въ киргизскомъ выговорѣ: *бысмылдагы-ракман-ракымъ*.

Въ Букони я ближе познакомился съ такъ называемыми *джатаками*, т. е. киргизами-работниками. Здѣсь рѣдкость встрѣтить русскаго работника; самый бѣдный русскій имѣетъ хоть одного киргиза, потому что киргизовъ чрезвычайно много и трудъ ихъ цѣнится поэтому дешево, на примѣръ: лѣтомъ, въ страду, киргизу въ день платятъ по 20 и даже по 15 коп. Не мудрено по этому что джатаки живутъ очень бѣдно, грязно; зимою живутъ въ поселкѣ, а на лѣто выходятъ въ юрты—за поселокъ, самую раннею весною, едва успѣетъ обсохнуть земля. Зимою тяжело бываетъ въ ихъ низкихъ, душныхъ землянкахъ; за то хорошо лѣтомъ, на степномъ привольѣ. Какъ и большинство киргизовъ, джатаки—плохіе мусульмане, молитвъ не знаютъ, по этому освобождаютъ себя отъ труда молиться Богу, отъ постовъ, неговоря уже объ омовеніяхъ. Они не знали ни—когда начать постъ, ни—когда окончить, чѣмъ давали поводъ своимъ хозяевамъ подсмѣиваться надъ ними. Зато они прекрасно знаютъ, что русскіе—*капыры*, что Богъ проститъ всѣ грѣхи киргизу, если онъ убьетъ одного русскаго, и попадешь прямо въ рай, если убить 40 русскихъ. Кокпекты и Буконь—это небольшіе оазисы среди сплошнаго киргизскаго населенія; ближайшее русское поселеніе въ 50 верстахъ,

затѣмъ Зайсанъ—250 верстъ, Устькаменогорскъ—180 и т. д. Господствующій сдѣсь языкъ киргизскій и незнающаго по киргизски рѣдко можно встрѣтить. И сами русскіе между собою по-киргизски разговариваютъ, кажется, больше, чѣмъ по-русски. Благодаря этому, я возлагалъ большія надежды на казаковъ, какъ на помощниковъ въ дѣлѣ распространенія слова Божія. Они и сами постоянно пропагандируютъ русскую вѣру между киргизами и я встрѣчалъ въ самой Букони джатаковъ, которые не прочь креститься, но находятъ препятствіе—и со стороны кого же?—тѣхъ самыхъ русскихъ, которые убѣдили ихъ въ истинности и превосходствѣ русской вѣры передъ киргизской! На мое удивленіе мнѣ отвѣчали: теперь онъ хорошій работникъ, слушаетъ и дѣлаетъ все что прикажешь; а какъ только крестится, съ нимъ сладу нѣтъ,—„я, говоритъ, теперь самъ русскій, *не хочу работать*. Прежде его побьешь за неисправность,—ничего: некому жаловаться; а когда окрестится, будетъ жаловаться миссіонеру: хлопотъ съ нимъ не оберешься.

Не смотря на это крестятся и джатаки; на примѣръ, въ февралѣ 1892 г. окрестилось цѣлое семейство,—крестятся и степняки, случайно только слышавшіе о томъ, что теперь стали киргизовъ принимать въ „русскую вѣру“. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ крестился мальчикъ, пастухъ. Онъ совершенно случайно услышалъ отъ одного проѣзжавшаго черезъ аулъ русскаго самыя элементарныя свѣдѣнія о христіанствѣ, и эти крупинки глубоко западали въ его сердце, онъ не переставалъ думать о новой, невѣдомой ему вѣрѣ; хотѣлось ему ближе узнать эту вѣру и даже принять ее; но какъ это сдѣлать, какъ начать это дѣло? „Однажды на зарѣ, передъ разсвѣтомъ, я вижу—пришелъ ко мнѣ чело­вѣкъ въ бѣломъ, какъ снѣгъ, длинномъ одѣяніи,—разсказывалъ онъ,—и кажется мнѣ рукою: ступай туда! Лица его не видать было. Я проснулся и не могу сказать, было ли это во снѣ, или наяву: такъ ясно было видѣніе. Потомъ я сталъ спрашивать: куда можно придти по тому направленію, которое указало мнѣ видѣнное существо въ бѣломъ одѣяніи. Мнѣ сказали, что верстахъ въ 70 есть русская деревня. Я сталъ смотрѣть въ ту сторону, но не видѣлъ ничего, кромѣ степной широкой равнины. Черезъ нѣсколько

дней, я ночью убѣжалъ въ этомъ направленіи и попалъ какъ разъ къ миссіонеру въ Буконь“. Этотъ мальчикъ крестился и теперь учится въ Бійскомъ катихизаторскомъ училищѣ. Много подобныхъ примѣромъ было, что джатаки, постоянно живущіе съ русскими и слышащіе предложеніе креститься, не крестятся, а степняки, разъ услышавшіе благую вѣсть, неодолимо стремятся въ русскую вѣру и—крестятся. Нужно замѣтить, что вниманіе киргизовъ, по наблюденіямъ русскихъ, было сильно возбуждено появленіемъ среди нихъ православной миссіи и фактомъ перехода киргизовъ въ русскую вѣру. И сами русскіе увидѣли въ этомъ подтвержденіе своего убѣжденія въ томъ, что, рано или поздно, и киргизамъ суждено будетъ сдѣлаться христіанами. Среди здѣшнихъ казаковъ, и даже въ Бійскомъ округѣ, существуетъ преданіе, что Абалацкая икона Божіей Матери явилась татарину и только онъ могъ поднять ея, а русскіе не могли. Это обстоятельство и было признано за пророческое предзнаменованіе будущаго обращенія татаръ и киргизовъ въ христіанство. Появленіе нашей миссіи среди киргизовъ было признано за исполненіе этого предзнаменованія.

С. П—въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Владиміромъ, Архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ, чувашскаго села Мусирмы.

(КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ „ПРАВОСЛАВНАГО БЛАГОВѢСТНИКА“).

19 число минувшаго сентября навсегда останется достопамятнымъ днемъ въ селѣ Мусирмѣ, Цивильскаго уѣзда, Казанской губерніи: въ этотъ день Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, посѣтилъ село Мусирму и совершилъ въ Мусирминской церкви Божественную Литургію, а по окончаніи оной молебень съ водосвятиемъ и крестнымъ ходомъ вокругъ церкви.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ языки, крѣщаще
ихъ во имя Оца и Сѣна и Сѣаго Дѣа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

состоящаго подѣ августѣйшимѣ покровительствомѣ ея императорскаго
величества государыни императрицы православнаго миссіонерскаго
общества,

1893.

Годъ первый.

№ 22

Н О Я Б Р Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІИ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.
1893.

Мои первые шаги на миссіонерскомъ поприщѣ среди Киргизовъ ¹⁾).

Много вреда причиняють прямые проповѣдники ислама среди киргизовъ—татары съ своими княжечками, которыми наводнили степь, бухарцы и, чего я никакъ не ожидалъ встрѣтить на далекой окраинѣ, турки. Нынѣшнею зимою, въ окрестностяхъ Букони, путешествовало семь человѣкъ турокъ. Они нанимаются путешествовать въ Мекку за какогонибудь богатаго киргиза, которому самому не хочется предпринять такую далекую поѣздку, берутъ за это 500 рублей. Иной увезетъ изъ степи не одну тысячу рублей, взявшись сходить за нѣсколькихъ человѣкъ. Кромѣ того, они „покупаютъ грѣхи“, т. е. за извѣстную плату (12 лошадей) принимаютъ на себя грѣхи какогонибудь лица, обѣщаясь ему „отмолить“ эти грѣхи. Киргизы продаютъ грѣхи и свои, и своихъ покойниковъ. Иной турокъ, или татаринъ,—потому что и татары промышляютъ этимъ дѣломъ,—накупить себѣ грѣховъ съ нѣсколькихъ десятковъ простодушныхъ киргизовъ. Не раскрывая киргизамъ всей неблаговидности этого дѣла по существу, я старался имъ указать хоть на возможность обмана со стороны проходимцевъ; киргизы только улыбались моей наивности; поди, вѣдь, мы грѣхи-то продаемъ при свидѣтеляхъ!... Мнѣ говорили, что такихъ гостей ежегодно пріѣзжаетъ въ степь очень много.

Когда я жилъ въ Москвѣ, то мнѣ нерѣдко приходилось слышать нѣчто въ родѣ упрековъ или неодобренія по адресу нашихъ миссій, что онѣ въ дѣлѣ проповѣди будто бы иногда пользуются услугами свѣтской власти, что такъ негодится дѣлать, что нужно дѣйствовать исключительно силою слова, силою духовнаго, нравственнаго вліянія. Издали оно, кажется, будто бы и такъ;

¹⁾ Продолженіе. См. № 21 „Прав. Благов.“, стр. 34—41.

но дѣйствительность скоро раскрыла мнѣ глаза. — Въ началѣ марта (1892 г.) прибѣжала изъ степи въ Буконь киргизка Джарма Карымсакова и была окрещена, съ именемъ Матроны. Она вдова, и, по смерти мужа, вмѣстѣ съ лошадьми и баранами, перешла во владѣніе мужняго брата, по мусульманскому закону. Новый мужъ обращался съ бѣдной Джармой безчеловѣчно, ей стало не въ моготу, и она убѣжала и окрестилась, оставивъ въ аулѣ малолѣтнихъ дѣтей: дѣвочку Майкижанъ 4-хъ лѣтъ, мальчика Кусаина 8 лѣтъ и старшую дочь Аимканъ 12 лѣтъ. Она еще до крещенія просила, чтобы немедленно доставили ей дѣтей. Миссіонеръ о. Стефанъ Борисовъ послалъ съ такимъ требованіемъ нарочнаго, а самъ уѣхалъ въ Большенарымскій станъ. Опытные Буконцы говорили мнѣ, что дѣтей можно взять только *силою*, а добровольно киргизы никогда не отдадутъ ихъ. Дѣйствительно, прошло нѣсколько дней въ напрасныхъ ожиданіяхъ. Тогда было написано энергичное посланіе волостному управителю съ требованіемъ, чтобы, на основаніи и Божественнаго, и человѣческаго права, дѣти были выданы родной матери, съ присовокупленіемъ, что, въ случаѣ не отдачи дѣтей, по телеграфу будетъ послана жалоба г. генераль-губернатору. Послали опять нарочнаго и ожидали, что онъ пріѣдетъ съ дѣтьми; но Буконцы еще разъ напомнили мнѣ, что киргизы уважаютъ одну силу, и совершенно вѣрно предсказали, что дѣтей не отдадутъ. Въ самомъ дѣлѣ, нарочный, вмѣсто дѣтей, привезъ клочокъ бумаги, на которой написано: „Изъ Ваше отношеніе вовсе не видно, что къ какому старшинству принадлежатъ значенныя дѣти“. (Эти строки писалъ полуграмотный писмоводитель безграмотнаго волостнаго управителя, родомъ татаринъ). Мнѣ пришлось навести справку, къ какому старшинству принадлежитъ Матрона по второму своему (случайному) мужу и послать эту справку волостному управителю. А время между тѣмъ идетъ, бѣдная Матрона постоянно приходитъ и, издавѣка заводя рѣчь, все спрашиваетъ: гдѣ же мои дѣточки? возвратятъ ли мнѣ ихъ? — Вотъ здѣсь-то я и вспомнилъ совѣтъ орудовать исключительно силою одного духовнаго воздѣйствія на инородцевъ. Желалъ бы я посмотреть, какъ бы поступили мои совѣтники на моемъ мѣстѣ! Если бы мы жили въ Турціи, тогда—дѣло другое; а то обидно, будучи

русскимъ и православнымъ, сознать себя безсильнымъ предъ магометанской фанатической массой.

Пока велась эта переписка, до меня стали доходить слухи, что несчастныхъ дѣтей хотѣли-было увезти въ одну изъ отдаленныхъ волостей и скрыть тамъ; потомъ сочли за лучшее отобратъ отъ нихъ формальное показаніе, что они родились не отъ покойнаго отца своего (т. е. роднаго, истиннаго), а отъ того, у котораго живутъ теперь... Нужно замѣтить, что Джарма овдовѣла года два тому назадъ, и самой младшей дочери ея уже 4 года! Но это только слухи, а настоящая оффиціальная бумага отъ 17 марта 1892 г. за № 94, еще великолѣпнѣе! Къ ней, этой бумагѣ, я тоже былъ подготовленъ; мнѣ передавали джатаки о томъ, какъ приучали дѣтей *отказаться* ѣхать къ матери, если привезутъ ихъ къ волостному. Дѣйствительно, волостной управитель пишетъ, что онъ призывалъ къ себѣ дѣтей Матроны, имѣя въ виду отправить ихъ въ Буконь, но „означенныя дѣти единогласно отказались отправиться къ матери, о чемъ и имѣю честь Васъ увѣдомить“.

Документъ—очень краснорѣчивый и не нуждается въ комментаріяхъ! Это, должно быть, понялъ и самъ волостной, потому что очень просилъ меня, чтобы я возвратилъ ему этотъ документъ.

Вскорѣ послѣ этого случилось событіе, показывающее, что духовная миссія не напрасно и не безплодно трудится въ средѣ киргизовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ крещенъ старикъ киргизъ (прежняго имени его не знаю) Семень Николаевъ. Я только на нѣсколько мгновеній могъ войти въ избу новокрещеннаго Димитрія, который приютилъ Семена, потому что Семень былъ боленъ, давно и сильно боленъ, и отъ него исходилъ нестерпимый запахъ, хуже чѣмъ отъ разлагающагося трупа. Этотъ запахъ и не допустилъ меня въ избу. Тѣмъ трогательнѣе было видѣть, какихъ заботъ стоилъ этотъ изможденный, блѣдный, слѣпой полумертвецъ Димитрію и его женѣ, какъ эти добрые люди обмывали его, перемѣняли ему бѣлье, кормили и поили его. Эта жизнь была тягостью и для Семена самого, и для его ближнихъ. Въ полночь 22 марта онъ скончался. Предъ смертью

онъ сказалъ: „спасибо Архіерею (Преосвященному Владиміру Бійскому), что принялъ меня въ Христову вѣру“. Эти слова слышали два киргиза - мусульманина, ночевавшіе у гостепріимнаго Димитрія и бывшіе свидѣтелями мирной кончины раба Божія Симеона. Знаменательны эти слова, сказанныя уже въ самомъ преддверіи вѣчности!

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ приведенномъ сейчасъ разсказѣ объ отношеніи новокрещеннаго Димитрія къ больному, новокрещенные вполне вышли изъ сферы своихъ прежнихъ понятій и привычекъ; а въ нѣкоторыхъ — не вполне. Такъ, одна новокрещенная, выдавая замужъ свою дочь, никакъ не могла помириться съ тѣмъ, что не возьметъ съ жениха *калыма*, и пришла ко мнѣ съ требованіемъ о взысканіи калыма! Я съ толмачемъ никакъ не могъ урезонить ее и наши убѣжденія скорѣе подѣйствовали на ея мужа, который сказалъ: ну, довольно, баба! Давай лучше попросимъ пшеницы на посѣвъ!

Раннею весною я сталъ выѣзжать въ степь для знакомства съ кочевниками. Прежде всего я побывалъ у своего сосѣда, очень вліятельнаго и богатаго киргиза, котораго зовутъ Ися Кумбасовъ. Сами киргизы называютъ его просто *аксакаломъ* (*ак сакал*—бѣлая борода) за его опытность, честность и справедливость. Ися Кумбасовичъ и его семья — прекрасные люди, и мы скоро, какъ здѣсь говорятъ, *потамырились*, т. е. подружились; кстати, онъ отлично говоритъ по русски, причемъ часто уснащаетъ свою рѣчь словомъ „конечно, конечно“. Ися также не вполне омусульманился, хотя его постоянно навѣщали татары, которые обыкновенно льнутъ къ богатымъ киргизамъ. На переходъ въ христіанскую вѣру онъ смотритъ не какъ татары, не какъ истый мусульманинъ; по его убѣжденію, въ какой вѣрѣ родился, въ такой должно и умереть; Богъ-де далъ 77 вѣръ и 77 языковъ,—каждому языку соотвѣтствующую вѣру. Этимъ уже признается какъ бы равноправность всѣхъ вѣръ; татаринъ такъ никогда не скажетъ, у него—всѣ *кафиры*, которыхъ нужно стереть съ лица земли, во славу Магомета.—И дѣти Иси Кумбасыча держали себя не похоже на татаръ, смотрятъ на васъ до вѣрчиво и дружелюбно. Къ несчастію, Ися хочетъ отдать сво-

его сына въ *Бухару*, откуда онъ черезъ годъ явится уже неузнаваемымъ. Впрочемъ, не лучше будетъ, если отдавать дѣтей и въ татарскія медресе; хорошо бы вовсе не допускать туда киргизовъ, а имѣть свои училища, мусульманскія же, но—не татарскія.

Весной разливъ водъ задержалъ меня на долго въ Букони. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы ближе познакомиться съ джатаками. Каждый почти день я бывалъ у нихъ. Теперь и они стали ходить ко мнѣ, не боялись меня какъ *сыйкырчы* (волшебника); кстати я ни слова не говорилъ имъ о крещеніи, т. е. не приглашалъ ихъ креститься. Мнѣ кажется, что этимъ приглашеніемъ *не нужно* никогда начинать рѣчь; гораздо убѣдительнѣе такое приглашеніе подѣйствуетъ, когда оно будетъ предложено въ какойнибудь иной формѣ, напримѣръ, въ показаніи разницы между челоукомъ крещеннымъ и некрещенымъ. На Владиміра Святаго подѣйствовала картина Страшнаго Суда и логическимъ результатомъ этого впечатлѣнія явилось естественное, добровольное желаніе креститься. Прямое предложеніе креститься можетъ только оттолкнуть слушателей, тѣмъ болѣе мнѣ нужно было держать себя въ этомъ отношеніи осторожнѣе, памятуя подозрительность киргизовъ. На первыхъ порахъ я пробовалъ свои силы въ разговорной живой рѣчи и здѣсь, какъ при изученіи другихъ языковъ, замѣтилъ, что самъ я могъ сказать больше, чѣмъ понять другихъ. Когда заходила рѣчь о вѣрѣ или я осторожно сводилъ къ ней рѣчь, — мы говорили и о вѣрѣ, но при этомъ до слезъ было жаль, что не владѣешь вполне языкомъ. Безъ знанія языка чувствуешь себя точно нѣмымъ, а особенно не хорошо слышать, какъ толмачъ перевираетъ или передаетъ въ искаженномъ видѣ ваши слова. Для примѣра разскажу слѣдующій случай. Разъ, въ воскресенье, пошелъ я въ юрту киргиза Асувая. У него были гости, сидѣли, пили чай. Пригласили и меня, но стали извиняться, что у нихъ все плохо, грязно, не чѣмъ угостить меня. Не желая обидѣть хозяевъ, я взялъ предложенную чашку чая и началъ хвалить киргизскія блюда: и айранъ (варенецъ), говорю, у васъ вкуснѣе готовится, чѣмъ у насъ; и баранина у васъ лучше, и молоко, хотя припахиваетъ дымомъ, лучше.

— А вѣра наша лучше? вдругъ выпалилъ одинъ изъ гостей съ кроткими умными глазами и прекраснымъ, типичнымъ лицомъ. — Я въ это время допивалъ чашку чая, и говорю толмачу: скажи-де, что твой вопросъ сложный; вотъ, допью чай, начну обстоятельно отвѣчать. Толмачъ мой подумалъ—подумалъ и говорить: *Белмейминъ, өейди, Кудай белаяде*, (т.-е. не знаю, Богъ знаетъ!). Я, хотя съ трудомъ, но сказалъ, что нужно было, самъ перевелъ свою фразу. Затѣмъ черезъ толмача уже продолжалъ подробную бесѣду. — Такъ какъ мой новый знакомый Жанабай оказался интереснымъ собесѣдникомъ, то я позволю себѣ подробнѣе остановиться на этой бесѣдѣ.

Я повелъ рѣчь такимъ образомъ. Къ одному человѣку пришли четыре гостя: русскій, татаринъ, китаецъ и калмыкъ¹⁾, и спрашиваютъ: „Скажи намъ, какая изъ нашихъ четырехъ вѣръ лучше?“ Какъ отвѣтить на этотъ вопросъ?

— „Конечно, сначала нужно распросить и разузнать, что за вѣры у нихъ, и потомъ уже дать отвѣтъ, какая вѣра лучше. А сразу, конечно, трудно отвѣтить, тѣмъ болѣе что каждый хвалить свою вѣру; одинъ говоритъ: моя лучше, — другой: нѣтъ, моя лучше“. — Такъ приблизительно отвѣчалъ мой новый знакомый.

Вѣрно ты разсудилъ, говорю я Жанабаю: прежде чѣмъ сказать, какая вѣра лучше, нужно узнать эти вѣры. У насъ есть въ Казани великая медресе (академія), гдѣ всѣ вѣры знаютъ, знаютъ прекрасно и магометанскую вѣру и вотъ ваши великіе муллы сходятся съ нашими муллами и спорятъ о томъ, какая вѣра лучше. Послѣдствіемъ этихъ споровъ бываетъ то, что наши муллы (священники, и даже простые люди, неученые) никогда не переходятъ въ исламъ; а ваши великіе муллы, не говоря о простыхъ людяхъ, переходятъ въ нашу вѣру. — Все это передавалъ толмачъ. Жанабай внимательно слушалъ и поддакивалъ. Во время минутной остановки,

¹⁾ Нужно замѣтить, что у киргизовъ—очень не обширный этнографическій горизонтъ. Они еще знаютъ сартовъ и жидовъ, а народы Западной Европы имъ совершенно неизвѣстны. Есть знатоки, которые слыхали, что далеко на Западъ, за русской землей, живутъ *нимачъ* (нѣмцы) и еще дальше *инглизъ* (англичане); но они смѣшиваютъ эти народы съ жидами. Когда я въ первый разъ услышалъ это, то разъяснилъ киргизамъ, что нимачъ, инглизъ и жида—все это разные народы. Но они убѣдительно отвѣчали мнѣ: „Нѣтъ, по нашему, все это—жида!“

когда я еще не окончилъ свою рѣчь, Жанабай, какъ бы въ тонъ моей рѣчи и продолжая ее, началъ говорить:

— Вѣрно, все вѣрно вы говорите. Вотъ и пророкъ Божій Магометъ (миръ ему), когда умиралъ, призвалъ своего намѣстника Али и говорить ему: „Родился я въ русской вѣрѣ и хочу умереть по-русски, т.-е. по-христіански“.—Всѣхъ христіанъ киргизы называютъ русскими. Они убѣждены что Магометъ былъ христіанинъ, потомъ сдѣлался *киргизомъ*!! (Особенно это рельефно выходитъ на киргизскомъ языкѣ: *Мухаммедъ орусъ ботанъ смусонъ казакъ болды*!!...) — „И предки мои, дѣды и прадѣды, продолжалъ Магометъ, всѣ были русской вѣры: отецъ мой былъ русской вѣры, по этому и я хочу окончить жизнь въ вѣрѣ отцевъ моихъ“.

Такую исторію разсказалъ мнѣ Жанабай. Онъ же подсказалъ мнѣ и выводъ изъ нея: *наши вѣры близки*, немудрено, по этому, если муллы принимаютъ христіанство. И киргизамъ отзываться не хорошо о русскихъ и называть ихъ *капырами* грѣшно! Можетъ быть тотъ, изъ устъ котораго излетѣло это бранное слово,— и есть самъ *капыръ*! такъ закончилъ Жанабай.

Я подхватилъ мысль Жанабая о близости нашихъ вѣръ и началъ продолжать рѣчь объ обращеніи муллъ въ христіанство, разсказалъ ему о лезгинцѣ Ассанѣ, объ Имадеддинѣ, Каземъ-бекѣ и Ахмеровѣ. Жанабай по прежнему внимательно слушалъ, не спуская своихъ черныхъ выразительныхъ глазъ, и по прежнему, какъ здѣсь говорятъ, *изъ—подъ—тиха*, незамѣтно снова началъ длинную исторію, смыслъ которой опять былъ тотъ, что киргизамъ грѣшно относиться съ пренебреженіемъ къ русскимъ.

Я обрадовался знакомству съ Жанабаемъ. Онъ приглашалъ меня къ себѣ въ гости. Но товарищъ его все спрашивалъ толмача обо мнѣ: не *бопъ* ли онъ? Я собирался занести въ памятную книжку новое для меня слово „бопъ“, спрашиваю толмача его значеніе, и слышу, что это попъ —бопъ!... Заинтересовался—было этимъ вопросомъ и Жанабай, но узнавъ, что я не *бопъ*, а *юре* (чиновникъ, свѣтскій человѣкъ), снова повторилъ свое приглашеніе...

С. П—въ

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

ШЕДШЕ научите всѣ языки, крѣща-
юще ихъ во имя Оца и Сына и Святаго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

состоящаго подѣ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго
Величества Государыни Императрицы Православнаго Миссіонерскаго
Общества.

1893.

Годъ первый.

№ 23

Д Е К А Б Р Ъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФИИ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.
1893.

по непониманію богослуженія, которое совершалось всегда на русскомъ языкѣ; иные, что они переживали какой-то радостный день, иные просто говорили: „рахмать (спасибо), что хорошо дѣлалъ“. И на некрещеныхъ татаръ это торжество произвело доброе впечатлѣніе: двое изъ нихъ, находящіеся въ работникахъ въ Елышевѣ, были въ церкви изъ любопытства и на вопросъ благочиннаго о. Антенорова: „какъ имъ понравилось христіанское богослуженіе?“ отвѣчали простыми словами: „славный, такъ славный, говорить нечего“. На другой день богослуженіе было повторено и народу было еще больше, и особенно тѣснились къ клиросу, гдѣ пѣли пѣвчіе по татарски. Всѣ благодарили за посѣщеніе храма,—благодарили тѣ самые, которые прежде отворачивались отъ церкви и затыкали уши, чтобы не слышать колокольнаго звона. Нужно ли послѣ этого доказывать пользу богослуженія на родномъ языкѣ?“ ¹⁾. Приведенные факты, кажется, вполне достаточно и убѣдительно говорятъ сами за себя.

Н. Комаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мои первые шаги на миссіонерскомъ поприщѣ среди Киргизовъ ²⁾.

Въ половинѣ (1892 г.) мая мнѣ удалось проѣхать далеко въ степь, въ Базаровскую волость. Мы остановились у волостнаго управителя Тугульбая, надѣясь встрѣтить здѣсь его писаря, русскаго казака. Но ни волостнаго, ни писаря дома не было. Поэтому мы устроились не безъ хлопотъ. Прежде всего возбудили въ себѣ подозрѣніе 1) тѣмъ, что пріѣхали изъ Букони: не имѣемъ ли мы отношенія къ миссіи, этому ненавистному для киргизовъ учрежденію? Во 2-хъ, останавливалъ на себѣ вниманіе мой толмачъ: киргизъ, но не бритый, и не въ тибетейкѣ,—кто же онъ такой? Въ 3-хъ, казалась неясною цѣль нашего пріѣзда. Все воз-

¹⁾ Отчетъ Братства Св. Гурія за 1868—9 годъ. Стр. 15—18.

²⁾ Окончаніе. См. № 22 „Прав. Благов.“, стр. 33—39.

буждало подозрительность, а наши отвѣты не удовлетворяли киргизовъ. Мы просили себѣ отдѣльную юрту, но намъ не хотѣли ставить ее до пріѣзда волостнаго или писаря. Тогда мы показали открытое предписаніе, и черезъ пять минутъ была готова, на нашихъ глазахъ слажена юрта. Принесли самоваръ, пришла *байбиче*, хозяйка, которая отнеслась къ намъ гостепріимнѣе, радушнѣе, чѣмъ другіе. Вскорѣ пріѣхалъ откуда-то ся сынъ, молодой человекъ, по имени Акка. Онъ съ большимъ интересомъ осматривалъ насъ; понюхалъ и ошупалъ платье, сапоги, спрашивалъ о цѣнѣ.—Само собою разумѣется, что проповѣдывать, при такихъ условіяхъ, нельзя: сначала нужно хоть немного познаться, такъ сказать приручить ихъ, чтобы они не боялись, не дичились. Все-же, къ слову, между прочимъ, невзначай какъ бы, пришлось поговорить и о вѣрѣ.—Вечеромъ пріѣхалъ Тугульбай, одинъ, безъ писаря, и объявилъ намъ, что онъ радъ бы имѣть насъ своими гостями, но черезъ два дня откочевываетъ. Телѣги у него не было, и намъ пришлось утромъ переѣхать къ Абрау Джамбасову; мы пріѣхали верхомъ, имущество наше также было доставлено на вьючныхъ лошадяхъ.

Абрай оказался гостепріимнѣе родичей Тугульбая, но тоже съ сожалѣніемъ заявилъ намъ, что завтра намѣренъ перекочевать въ другое мѣсто, такъ какъ подножный кормъ весь съѣденъ. Насъ пригласили въ другой разъ пожаловать въ гости. Если бы у насъ были свои лошади, свой тарантасъ, то можно бы кочевать вмѣстѣ съ ними; теперь же пришлось взять у Абрая телѣгу и уѣхать. Почти на каждой верстѣ нашъ случайный ямщикъ останавливался что-нибудь исправлять, спрашивая, нѣтъ ли у насъ веревочки перевязать расползавшуюся сбрую и т. п. И съ своимъ экипажемъ едва ли лучше: мнѣ передавали, что одного чиновника везли, привязывая экипажъ за хвосты лошадей!..

Въ началѣ іюня я отправился на *жяйляу*, лѣтнія кочевья киргизовъ, въ Колбинскія горы. Я взялъ свой тарантасъ и нанялъ лошадей, на все время поѣздки, недѣли на двѣ, чтобы киргизы не отдѣлались отъ меня, какъ въ первую поѣздку. Въ аулѣ Сакпаковыхъ я былъ порадованъ пріятной встрѣчей съ г. помощникомъ Устькаменогорскаго уѣзднаго начальника. Онъ сейчасъ

же призвалъ волостнаго управителя съ старшиной и велѣлъ поставить для меня отдѣльную юрту. Тѣ отвѣчали: слушаемъ-съ, сейчасъ будетъ готово. Было часовъ пять вечера, солнце стояло высоко. Проходить часъ, другой, а юрты все не ставятъ, да такъ и не поставили въ этотъ день. Если бы не мой ямщикъ, мы бы и не узнали, почему такъ. Дѣло объяснилось просто, по словамъ Никанора Авдѣева (ямщика): „бѣдовый очень народъ! Всѣ узнали про васъ, такъ еще мало; за какимъ онъ дѣломъ пріѣхалъ сюда? Иначе юрту ставить не будемъ!“ (Это не смотря на присутствіе ихъ начальника). Юрту намъ поставили уже на другой день, рано по утру.

Здѣсь намъ не представлялось случая поговорить о вѣрѣ, за то пришлось видѣть очень много киргизовъ, собравшихся на сѣздъ, познакомиться съ ними, послушать ихъ. Я полюбилъ киргизовъ, и они мнѣ платятъ взаимностью, по крайней мѣрѣ говорятъ: „хорошій ты человекъ, переходи въ нашу вѣру, будешь настоящій казакъ (киргизъ)!“ Я полюбилъ ихъ за гостепріимство: пріѣдешь—не знаютъ, чѣмъ бы угостить лучше; я полюбилъ ихъ за живость характера, за любознательность: иногда надоѣдаютъ безконечными разспросами о чудесахъ русской культуры, о большихъ городахъ, о желѣзныхъ дорогахъ, броненосцахъ, телефонахъ, фонографахъ и т. п.,—да непременно расскажи имъ подробно: какъ это все устроено, какъ дѣйствуетъ сила пара, еще попросятъ начертить на бумагѣ. Любо смотрѣть на ихъ блестящіе живые глаза и слушать, какъ они отъ удивленія и удовольствія начнутъ языкомъ прищелкивать и приговаривать: *атырмай, йопрай, ойбай!* Я полюбилъ ихъ за открытый общительный характеръ, съ коварствомъ и вѣроломствомъ еще не пришлось познакомиться. Одна черта не очень пріятная—это попрошайничество, черта, отъ которой не свободны и богатые киргизы. Просто бѣда, если узнаютъ еще, что человекъ добрый, къ скупому не идутъ. Напримѣръ, приходитъ одинъ просить *кагазъ-чай* (цвѣточнаго чаю) ¹⁾. — „Зачѣмъ тебѣ?“ — „Да жена больна, животомъ мается другой день“. Дашь немного чаю.

¹⁾ Киргизы вообще пьютъ кирпичный чай

Черезъ полчаса является другой тоже просить чаю—бокъ болить.—„Да вѣдь чай не поможетъ“. — „Ойбай, таксырь, бикъ болысады, балямизмъ“ (Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, мы знаемъ, очень помогаетъ). Нечего дѣлать, дашь и этому. Потомъ уже полѣзутъ безъ конца: у кого носъ болить, у кого глаза—и отъ всѣхъ болѣзней просятъ прямо чаю!

Мы прожили у Сакпаковыхъ ровно двое сутокъ. Отсюда мы отправились къ волостному управителю, Сапаку Можибаеву. Здѣсь прожили недѣлю. О вѣрѣ говорили много. Киргизы сами потомъ передавали наши слова другимъ и еще приходили, просили поговорить имъ или послушать „Первоначальныя свѣдѣнія киргизу, готовящемуся ко св. крещенію“. Они хвалили насъ, даже благодарили за чтеніе: „все, что вы читаете, всё прекрасно, истинно“. Даже языкомъ прищелкивали отъ удовольствія. Особенно нравится конкретное раскрытіе заповѣди о любви (стр. 57). Впрочемъ, гдѣ излагаются специально-христіанскія свѣдѣнія, напримѣръ о троичности Лицъ Божества, о Божествѣ І. Христа, тамъ киргизы издаютъ непріятный звукъ изъ глубины души и начинаютъ подозрительно озираться. Я замѣтилъ это и потомъ сталъ спрашивать предварительно, желаютъ ли они послушать. Одинъ киргизъ поинтересовался узнать о значеніи крестнаго знаменія, толмача не было въ юртѣ; вмѣсто того, чтобы самому говорить объ этомъ (я все еще говорилъ съ трудомъ), я предложилъ ему прочитать по книжкѣ; но онъ поспѣшно отказался.

Отсюда я ѣздилъ по другимъ ауламъ. Можно бы остаться еще въ горахъ, но моему ямщику нужно было ѣхать домой и мы вернулись въ Буконь. Отдохнувъ два дня, я опять отправился въ горы, значительно дальше, за Себинскій пикетъ въ Матаевскую волость, въ Таргинскую, въ Марьинскую. Всѣ эти волости кочуютъ по сосѣдству одна возлѣ другой. Здѣсь мнѣ пришлось встрѣтиться съ очень образованнымъ (по-мусульмански) киргизомъ Хайрамбаемъ Токтубаевымъ. Съ нимъ прямо, не обинуясь, говорили о вѣрѣ. Я допрашивалъ, почему мусульмане не вѣрятъ І. Христу, когда въ Коранѣ говорится о Его Божественномъ рожденіи и въ Евангеліи, которое, по вѣрованіямъ мусульманъ, дано Богомъ. Хайрамбай заявилъ, что онъ не вѣритъ ни Корану,

ни Евангелію въ русскомъ переводѣ: все это поддѣлано нарочно, чтобы склонять магометанъ въ христіанство, хотъ обманомъ привлечь въ русскую вѣру.

Въ аулѣ Таргинскаго управителя одинъ киргизъ наивно выразилъ свое недоумѣніе: какъ это русскіе знаютъ нашу вѣру, читаютъ наши книги, люди образованные—и не могутъ убѣдиться, что наша вѣра истинная!? И услышалъ въ отвѣтъ: потому-то мы и не переходимъ въ вашу вѣру, что знаемъ, а вы нашей не знаете; кто же узнаетъ, тотъ переходитъ, крестится. А креститься велѣлъ Самъ Господь, и иному ученію, кромѣ Евангельскаго, запретилъ вѣрить, если бы даже ангелъ пришелъ съ неба и началъ проповѣдывать иначе, чѣмъ въ Евангеліи.

Въ началѣ іюля, по порученію преосвященнѣйшаго Макарія, Епископа Томскаго и Семипалатинскаго, мнѣ пришлось съѣздить въ Зайсанъ и въ Кендырлыкъ, гдѣ предполагается учредить еще одинъ станъ. Здѣсь, на окраинѣ государства, станъ миссіонерскій необходимъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Кромѣ киргизовъ, здѣсь есть другіе инородцы, среди которыхъ можно проповѣдывать Слово Божіе. Киргизы здѣсь болѣе фанатизированы и болѣе омусульманились, благодаря татарамъ, чѣмъ въ Семипалатинскомъ, Устькаменогорскомъ уѣздахъ, въ которыхъ татарское вліяніе нѣсколько уравнивается русскимъ. А въ Зайсанѣ, на рынкѣ можно забыть, что вы находитесь въ Россіи: подумаешь—въ Турціи, потому что вездѣ мелькаютъ красныя фески.

По возвращеніи въ Буконь, я еще недѣли полторы ѣздилъ по окрестнымъ ауламъ; въ одномъ изъ нихъ взялъ къ себѣ въ услуженіе и для практики въ киргизскомъ языкѣ киргизенка 14 л., по имени Муксеина Джампозова.

1-го августа я оставилъ Киргизскую степь и выѣхалъ въ г. Бійскъ.

С. П—въ.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзыки, кѣтаще
ѡхъ во имя Оца и Сѣна и Сѣаго Дѣа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

1896.

Годъ четвертый.

ТОМЪ III.

№ 18.

С Е Н Т Я Б Р Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. П. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1896

Изъ сказаннаго видно, что Бирская учительская школа вызвана къ жизни тѣмъ же весьма важнымъ условіемъ нашей общественной жизни, какимъ вызваны и однородныя ей учрежденія — учительскія семинаріи ¹⁾, т. е. потребностью въ правильной постановкѣ просвѣщенія инородцевъ въ Уфимскомъ краѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Миссіонерское дѣло среди киргизовъ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Въ прошломъ и нынѣшнемъ году мнѣ привелось побывать въ киргизскихъ степяхъ и познакомиться съ бытомъ киргизовъ.

Это были первыя мои встрѣчи и знакомства съ этимъ интереснымъ, бродячимъ народомъ нашихъ южныхъ степей Сибири.

Въ прошлое лѣто я посѣтилъ Семипалатинскую область, проѣхалъ около тысячи верстъ по Иртышу и побывалъ въ предгорьяхъ и горахъ южнаго Алтая, въ нынѣшнее же лѣто я посѣтилъ другую часть степей — Акмолинскую область. Но мое

¹⁾ О необходимости открытія Благовѣщенской учительской семинаріи Уфимскій губернаторъ въ сентябрѣ 1873 г. писалъ въ министерство народнаго просвѣщенія слѣдующее: „Распространеніе начальнаго образованія въ рускомъ сельскомъ населеніи Уфимской губерніи не только не подвигается впередъ, но, напротивъ, въ послѣдніе десять лѣтъ, какъ число, такъ въ особенности качество сельскихъ школъ замѣтно понизилось. Прямымъ послѣдствіемъ недостатка хорошихъ школъ для русскаго населенія является почти повсемѣстное распространеніе вліянія магометанства среди различныхъ финскихъ племенъ, обитающихъ въ губерніи. Вліяніе это замѣчается и въ русскихъ деревняхъ, сосѣднихъ съ татарами и башкирами, и одною изъ причинъ малочисленности и неудовлетворительнаго состоянія русскихъ школъ служитъ недостатокъ учителей. Между тѣмъ мѣстное населеніе обнаруживаетъ живое стремленіе къ образованію, изъявляя готовность на пожертвованія въ пользу школъ“. Въ томъ же 1873 году по этому предмету обратился въ министерство Оренбургскій генераль-губернаторъ, сообщая, что и въ Оренбургской губерніи и Уральской области также ощущается недостатокъ въ школахъ для русскаго населенія и въ учителяхъ для этихъ школъ. Въ виду этого ходатайства, 11 сентября 1875 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе въ селѣ Елизаветинѣ, Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губерніи, учительской семинаріи. Но по нѣкоторымъ соображеніямъ въ слѣдующемъ 1876 г. испрошено было разрѣшеніе открыть семинарію въ Благовѣщенскомъ заводѣ, близъ Уфы.

знакомство съ киргизами не было, къ сожалѣнію, продолжительнымъ, такъ какъ я не располагалъ свободно временемъ. Я долженъ былъ бѣгло осмотрѣть степь, познакомиться съ жизнью киргиза, взглянуть на ея условія; мнѣ даже не удалось достаточно хорошо познакомиться съ положеніемъ нашего миссіонерскаго дѣла въ степи, которымъ я интересовался, но тѣмъ не менѣе, я рѣшаюсь сообщить читателямъ кое—что изъ жизни киргизовъ, въ надеждѣ, что изъ бѣглыхъ наблюденій что-нибудь будетъ полезно для ознакомленія съ этимъ степнымъ народомъ.

Прежде чѣмъ отправиться къ киргизамъ, я познакомился съ литературными источниками о нихъ, но тамъ я немного нашелъ въ пользу этого бродячаго номада. Наши путешественники не хвалятъ киргизовъ, они описываютъ только внѣшнюю ихъ, непривлекательную сторону, ихъ относительную бѣдность ума, ихъ несложные обычаи дикарей и слишкомъ мало останавливаются на внутренней ихъ жизни. Нѣкоторые изъ нихъ смотрятъ на киргизовъ глазами мѣстнаго русскаго населенія, другіе если и хотятъ видимо составить о нихъ самостоятельное мнѣніе, то не далеко уходятъ отъ того-же, почему въ ихъ описаніяхъ киргизовъ нерѣдко можно встрѣтить такіе эпитеты, какъ „тупой, грубый, неспособный къ цивилизаціи“ или „хитрый, злой, дикій“, которыми мы, пожалуй, уже давно привыкли надѣлять почти всякаго инородца Сибири.

Послѣ литературныхъ источниковъ о киргизахъ мнѣ пришлось познакомиться съ мнѣніями о нихъ близко живущихъ съ ними людей; я говорилъ о нихъ съ купечествомъ, которое имѣетъ съ ними торговые связи,—съ духовенствомъ, которое ихъ встрѣчаетъ въ своихъ паствахъ,—съ мѣстными жителями степи, казакъ, поселенцами, чиновничествомъ, городскими жителями, такъ или иначе соприкасающимися съ киргизомъ, но и здѣсь я немного могъ выпытать въ пользу этого народа. Бѣднаго киргиза никто не хвалитъ.

Мѣстный житель-казакъ, живя въ киргизскихъ степяхъ, относится къ киргизу съ пренебреженіемъ; онъ совсѣмъ не счи-

таетъ его за человѣка, съ отвращеніемъ дозволяетъ ему входить въ свою избу, грубо смѣется надъ его неопрятностью, не-ряществомъ, поношенной жалкой одеждой, его неказистымъ видомъ, несмотря на то, что пользуется широко его услугами, пашетъ его руками свою землю, пасетъ его услугами свой скоть, даже довѣряетъ воспитывать своихъ дѣтей киргизкамъ-нянямъ. Около него всегда можно найти нѣсколько киргизовъ, онъ не можетъ обойтись безъ нихъ въ своемъ хозяйствѣ, они дѣлаютъ, можно сказать, за него все, вотъ уже столѣтія, но пока все еще не могутъ заслужить ни лучшаго отношенія, ни состраданія къ своей ужасной бѣдности, которая ихъ и заставляетъ жить около русскаго человѣка. Откуда эта непріязнь къ этому бѣдному, работающему, трудолюбивому человѣку у казаковъ, я не берусь сказать, но я нигдѣ больше не встрѣчалъ въ степи худшаго отношенія къ киргизу, какъ у грубаго казака, который, даже не стѣсняясь посторонняго человѣка, считаетъ киргиза за что-то среднее между человѣкомъ и животнымъ.

Не лучше относится къ нему и торговый классъ, не смотря на то, что весь онъ, живя въ степномъ краю, нажился только эксплуатаціей киргиза, составилъ свои богатства только трудомъ этого бѣднаго народа. Здѣсь пренебреженіе еще, пожалуй, больше, чѣмъ у казаковъ, потому что крайняя бѣдность слишкомъ стоитъ далеко отъ состоятельности, слишкомъ рѣзко отдѣляетъ богатаго, состоятельнаго человѣка отъ почти нищенствующаго народа.

Чиновничество почти совсѣмъ не интересуется киргизомъ, это существо—ниже его вниманія, и если обращаетъ порой на себя вниманіе, то только развѣ ради насмѣшки, хотя чиновничество тоже ко-свенно живетъ имъ, ради него, должно заботиться объ его благоустройствѣ, жизни, образованія. Чиновничество здѣшнее слишкомъ далеко отъ мысли, что оно призвано помочь этому народу, внести въ его жизнь лучшее и часто случается, что для личныхъ своихъ выгодъ поощряетъ даже его недостатки и разстраи-ваетъ его обычную жизнь. Нѣкоторые изъ чиновниковъ даже удивлялись тому, что я интересуюсь такимъ пустымъ народомъ; другіе, живя среди киргизовъ, совсѣмъ не знали, его обы-

чаевъ и жизни; третьимъ даже странно казалось когда-нибудь заглянуть въ юрту киргизовъ. Казалось, что этотъ народъ ровно ничѣмъ незамѣчательнъ, ровно ничего въ себѣ не имѣетъ такого, чтобы могло даже удовлетворить простое любопытство. Привычка-ли это къ киргизу, или просто невнимательность, отвращеніе, апатія—сказать не могу; но меня очень удивляло каждый разъ такое равнодушіе къ рядомъ живущему народу. Въ этомъ кругу людей даже не было отвращенія къ киргизу, онъ словно не существовалъ для него совсѣмъ на свѣтѣ, или, если и былъ, то на бумагѣ, гдѣ-то въ сторонѣ отъ жизни, далеко въ степи, какъ нѣчто существующее гдѣ-то, но на столько неинтересное, что имъ и заниматься не стоитъ.

Также почти индеферентно относится къ киргизамъ и духовенство, исключая миссіонеровъ. Также относится и городское населеніе къ киргизу, хотя онъ тамъ постоянно встрѣчается то въ видѣ кучера, то въ видѣ прислуги, няни, работника, сторожей,—и мнѣ только разъ пришлось слышать отъ городского жителя хорошее о киргизѣ и то только за то, что тотъ страшно нетребователенъ, довольствуется ничтожнымъ содержаніемъ, трудолюбивъ какъ нельзя лучше и совсѣмъ равнодушенъ, какой кусокъ ему дадутъ за трудъ. И ему совсѣмъ несовѣстно было сказать мнѣ, что его работникъ—киргизъ пытается его обѣдками, спать на голой землѣ, и порой радъ бываетъ и тому, что ему дадутъ кусокъ хлѣба, въ запазухъ съ которымъ онъ снова будетъ продолжать свою работу... Онъ выгоденъ, трудолюбивъ его нельзя найти русскаго человѣка, нетребовательнѣе тоже, и послѣднее качество киргиза, кажется, всего пріятнѣе для его хозяевъ.

Таковы мнѣнія о киргизахъ большинства въ степномъ краѣ, и только одинъ русскій переселенецъ, трудолюбивый хохолъ, житель центральной Россіи, недавно поселившійся тамъ относится къ киргизу нѣсколько лучше, справедливѣе, онъ, видимо глубоко сожалѣетъ о томъ, что тотъ бродитъ въ невѣжествѣ, онъ жалѣетъ его, уважаетъ его трудолюбіе, и совсѣмъ его не дичится, и не прочь помочь ему въ нуждѣ. И это единственные въ краѣ люди, которые словно принесли съ собой изъ Россіи

крошки состраданія къ этому бродячему, дѣйствительно заслуживающему его народу. И мнѣ кажется, что этотъ простой русскій людъ, незнающій еще эксплуатаціи инородцевъ, лучше, вѣрнѣе угадалъ своей открытой, любящей душой въ киргизѣ чело-вѣка, чѣмъ другіе. И такія отношенія устанавливаются тогда, когда киргизъ, казалось, долженъ невольнo видѣть въ переселенцѣ врага, потому что тотъ селится на его землѣ, отнимаетъ навсегда его угоды, измѣняетъ въ корнѣ его бродячую жизнь...

Киргизъ уступаетъ русскому чело-вѣку, онъ недоволенъ порой его самовольнымъ захватомъ земли, принужденъ порой совсѣмъ покидать свои родныя земли, уходитъ въ сторону, но вражды къ русскому переселенцу онъ, видимо, съ собой не уноситъ. Онъ покоренъ судьбѣ, и кто знаетъ—быть-можетъ—это покорность ей, присущая и русскому земледѣльцу, простому крестьянину, и заставляетъ сближаться эти чуждые другъ другу племена, понимая силу необходимости и нужды.

Эти добрыя отношенія переселенцевъ къ киргизамъ обѣщаютъ добрые плоды въ будущемъ, и, кто знаетъ, быть-можетъ, имъ больше всего мы будемъ впослѣдствіи обязаны тѣмъ, что обособленный, замкнутый, скрытый теперь киргизъ, встрѣчавшій до сихъ поръ въ русскомъ господствующемъ чело-вѣкѣ только своего безжалостнаго эксплуататора, который его глубоко обижаетъ и оскорбляетъ своимъ отношеніемъ,—измѣнится, сольется съ трудолюбивымъ русскимъ крестьяниномъ въ одномъ трудѣ и приметъ ту жизнь, которая для него будетъ единственнымъ исходомъ, чтобы не сойти подобно другимъ инородцамъ съ лица земли.

К. Носиловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣща
ѡхъ во имя Оца и Сѣна и Сѣаго Дѣа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ.

1896.

Годъ четвертый.

ТОМЪ III.

№ 19.

О К Т Я Б Р Ъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1896

Миссіонерское дѣло среди киргизовъ ¹⁾).

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Въ первый разъ я встрѣтился съ киргизами на одной маленькой станціи Сибирской желѣзной дороги. Западно-сибирская часть этого колоссальнаго пути черезъ Сибирь какъ разъ проходитъ чрезъ сѣверную часть сибирской степной области. Кругомъ одна темно-зеленая голая степь, и я былъ не удивленъ, замѣтивши, среди обычныхъ посѣтителей станцій этого пути, нѣсколько фигуръ монгольскаго типа, которыя безпечно, вмѣстѣ съ другими, смотрѣли на прибытіе нашего поѣзда изъ Россіи. Въ высокихъ, остроконечныхъ, бараньихъ шапкахъ, въ пестрыхъ, полосатыхъ халатахъ, въ особенныхъ отъ нашихъ сапогахъ, толстые, потные подъ лучами полуденнаго солнца, съ непремѣнными нагайками въ рукахъ, они невольно привлекли къ себѣ вниманіе пріѣзжей публики, и были тотчасъ-же окружены ею. Ихъ съ любопытствомъ осматривали, забросали вопросами: какъ они живутъ, гдѣ, что теперь дѣлають, почему въ такихъ теплыхъ для лѣта шапкахъ? ихъ даже трогали, у нихъ безъ церемоніи, какъ у дѣтей, осматривали и то и другое, имъ, казалось, надоѣдали во все время стоянки поѣзда, но они все это переносили совершенно благодушно и такъ покорно позволяли себя трогать, съ такой охотой, едва владѣя русскимъ языкомъ, отвѣчали на всевозможныя вопросы, что казалось даже находили сами въ этомъ великое удовольствіе. И въ этотъ короткій промежутокъ времени я замѣтилъ, что никому изъ пассажировъ даже и на мысль не могло придти, что это тупой, злой народъ. Напротивъ, ихъ сожалѣли, ими интересовались, ихъ хвалили за простодушіе, и уносили съ собой о нихъ впечатлѣніе какъ о

¹⁾ Продолженіе. См. „Прав. Благое.“ № 18, стр. 72—76.

дѣтяхъ природы, которымъ нужно помочь устроить свою жизнь, которымъ нужно поскорѣе дать блага цивилизаціи, христіанство, которыхъ нужно приобщить къ нашей жизни, какъ бѣдныхъ, забытыхъ дѣтей... И я видѣлъ съ какимъ интересомъ пассажиры поѣзда слѣдили за ними до послѣдней минуты, видѣлъ съ какимъ любопытствомъ смотрѣли на нихъ, когда они неслись уже рядомъ съ нашимъ поѣздомъ на тощихъ, быстрыхъ лошадкахъ и какъ потомъ скрылись въ зеленой травѣ своей пустынной родины.

Правда, они были грязны, но всѣ понимали, что при теперешней обстановкѣ ихъ жизни имъ и нельзя быть чистыми; они были небрежно, плохо одѣты, но для всѣхъ было очевидно, что для ихъ степи достаточно и этого, и я не слышалъ даже отъ дамъ, чтобы они говорили о нихъ съ пренебреженіемъ, и смотрѣли на нихъ такъ, какъ смотреть, напримѣръ, казачка.

Потомъ, послѣ, на пути мы видѣли ихъ уже довольно часто и всюду, гдѣ они ни соприкасались съ пріѣзжей публикой, я видѣлъ тоже, что и въ первый разъ...

Порой они ѣхали съ нашимъ поѣздомъ, и, богатые изъ нихъ, садились даже въ нашъ вагонъ, и всюду-самыя сердечныя отношенія, или любопытство даже безъ тѣни нанести обиду. И киргизы понимали эти отношенія, дѣлались словоохотливыми, добрыми, простодушно говорили о своихъ дѣлахъ, образѣ жизни, нисколько не обижаясь на то, что порой касались ихъ интимныхъ сторонъ жизни. Я видѣлъ даже какъ съ ними дѣлились папиросами, съѣстными припасами, какъ ихъ поили изъ своихъ стакановъ чаемъ, угощали сладостями, и хотя-бы у кого промелькнуло при этомъ то нехорошее чувство, какое постоянно можно видѣть у тѣхъ-же казаковъ, когда киргизы трогаютъ или пили изъ ихъ посуды. И кромѣ всего этого судя по всѣмъ продолжительнымъ разговорамъ, которые съ ними вели, отвѣтамъ, которые они давали, приходилось невольно заключить, что это далеко не глупый народъ, съ оригинальными взглядами и даже такимъ остроуміемъ, которому можно было удивляться. Были минуты, когда казалась даже смѣшною мысль, что этотъ народъ нѣкоторые путешественники обрѣкаютъ на вѣчное невѣ-

жество; иногда казалось, что они даже пожалуй умнѣй нашего южнорусскаго мужика, и я увѣренъ, что среди пассажировъ не нашлось-бы ни одного человѣка, который-бы согласился сказать, послѣ того, какъ онъ слышалъ ихъ отвѣты, рассказы, былъ тронутъ ихъ душевной простотой, что этотъ народъ „неспособенъ къ цивилизаціи“.

Таковы были мои первыя впечатлѣнія отъ встрѣчи съ киргизами; первыя-же впечатлѣнія рѣдко бываютъ, за немногими развѣ исключеніями, ложными.

Киргизы—народъ бродячій, пастушескій. У нихъ почти еще незамѣтно стремленія къ осѣдлой жизни, хотя послѣдняя, съ приходомъ въ ихъ степи русскаго переселенца, несомнѣнно является ихъ единственнымъ исходомъ изъ труднаго положенія, когда они теряютъ свои земли, будутъ ограничены въ владѣніяхъ, будутъ окружены русскими поселками и стѣснены въ своей бродячей со стадами жизни. Но теперь пока мы еще видимъ ихъ съ стадами въ степи, съ кошанными юртами на привольѣ, во всей обстановкѣ дикаго номада, который только живетъ стадомъ, существуетъ только невольными переселеніями съ одного пастбища на другое за стадомъ скота.

Когда нашъ поѣздъ пробѣгалъ по ихъ степямъ, этому морю зеленой травы, гдѣ только кой-гдѣ были видны, словно острова, меленькіе сколки березоваго лѣса, мы могли видѣть порой: то кошанныя юрты киргизъ, то разсыпанныя стада ихъ по степи, но это казалось были уже только одни обрывки ихъ привольной жизни, потому что рядомъ же, въ степи, уже виднѣлись крыши новыхъ поселковъ переселенцевъ, уже встрѣчалась по пути проложенная дорога, попадался на ней не киргизъ верхомъ на лошади, а русскій крестьянинъ съ телѣгой.

Отсюда, со стороны нашего великаго желѣзнодорожнаго пути, уже началось движеніе въ степень переселенцевъ. Они внесутъ въ жизнь киргиза перемѣны и вмѣстѣ съ ними и христіанство. Это несомнѣнно, это только вопросъ времени, и въ виду этого было-бы только желательно, чтобы одновременно съ

тѣмъ, какъ селится, приходитъ туда русскій народъ, были теперь-же основаны *миссіонерскіе приходы*, а не обыкновенные, чтобы на первыхъ-же порахъ развитія тамъ русской жизни, при первыхъ же ея проявленіяхъ тамъ было уже подготовленное къ миссіонерской дѣятельности духовенство.

Это не нужно выпускать изъ виду, потому что именно теперь, въ началѣ проявленія русской жизни, любопытный, наблюдательный киргизъ будетъ внимательно присматриваться къ жизни русскаго человѣка, — какъ къ религіозности русскаго крестьянина, такъ и къ поведенію мѣстнаго духовенства, и малѣйшая ошибка въ этомъ случаѣ можетъ сильно повредить въ послѣдствіи распространенію христіанства среди киргизовъ, которыхъ и теперь уже дѣятельно настраиваютъ противъ русской православной церкви странствующие татары. Въ свое время мнѣ придется еще коснуться этого предмета подробнѣе, а теперь буду продолжать свои наблюденія въ продолженіе перваго пути въ киргизскую степь.

Н. Носиловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ дневника (за 1895 г.) Гольдскаго миссіонера Камчатской миссіи ¹⁾).

Поздно вечеромъ 15 марта пріѣхалъ въ деревню *Муху*, составляющую границу моего миссіонерскаго стана съ Вятскимъ станомъ.

Деревня *Муху*, расположена тоже на одномъ изъ многочисленныхъ притоковъ Амура, въ 32 верстахъ въ сторону отъ Амура. Въ ней четыре юрты. Вечеръ провелъ въ бесѣдѣ съ гольдами о разныхъ предметахъ. Въ этой деревнѣ со мной случилось одно смѣшное приключеніе. Прошу затопить печь, желая сварить себѣ ужинъ. Пока гольдячка накладывала въ печь дрова, серьезнаго вида гольдъ взялъ одного изъ брошенныхъ на полъ бурхановъ, и изрубивъ его въ куски, тоже положилъ въ печь,

¹⁾ Продолженіе. См. „Прав. Благов.“ № 18, стр. 77—82.